

Валентина Рыжкова
Любишь ли ты меня?

12+

Валентина Рыжкова
Любишь ли ты меня?

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Рыжкова В. И.

Любишь ли ты меня? / В. И. Рыжкова — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Марина старается быть такой, как все, ничем не выделяться среди одноклассников. Она ходит на вечеринки, обсуждает сплетни, слушает популярную музыку. Но глубоко внутри она не такая, как все, у нее есть свои мысли, свои интересы, настоящие чувства, сомнения, мечты, страхи. Она боится оказаться среди аутсайдеров. Но внезапно вся ее тщательно спланированная и замаскированная жизнь рушится, когда в нее вмешивается один из таких аутсайдеров – Севка. Над ним в школе смеются и считают странным. Потому что он не боится быть собой и говорить то, что думает, чувствовать, дружить, любить, жить по-настоящему.

© Рыжкова В. И., 2004

© ЛитРес: Самиздат, 2004

В оформлении обложки использована фотография автора Igor Sava «sunlight from the left. shaded alley. splash of yellow. Firenze – Scorcio» с <http://www.igorsavaart.com>

Любишь ли ты меня?

рассказ

"Глава 8. Любит ли Онегин Татьяну? Изменилась ли Татьяна?"

Нет, не любит. Вернее, сначала не любил, а потом вдруг влюбился. Везде одно и то же. Любил ли Чацкий Софью? Любил ли Печорин Бэлу? То любит – то не любит...

Как же я устала. А за окном идет снег. Кажется, что весна никогда не наступит. До чего же тоскливо и скучно. Хочу в кино. "Возвращение короля" в "Салюте" еще идет. Только пойти не с кем. Так надоело всех уговаривать, чуть ли не на коленях умолять: "Сходим в кино да сходим в кино! Такой потрясающий фильм!" и т. д. и т. п...

Сегодня пятница, выходные, сейчас бы прийти домой – там никого, тишина – включить Битлз, завалиться спать и, самое главное, ни о чем не думать. А еще лучше посмотреть какой-нибудь хороший фильм по видеку. Иногда мне хочется целый день лежать, смотреть кино, есть конфеты и ничего не делать.

Историк мог задать этот дурацкий доклад про земскую реформу кому угодно! В чем я опять провинилась?! Оля обожает историю, она бы только рада была. А Неля вообще у историка любимица. Аню на медаль тянут, пусть бы потрудились хоть раз в жизни по-настоящему. Еще в юракадемию собралась поступать. Только наш древний историк почему-то вечно ко мне прикапывается. Достал уже.

У Верки сплошные двойки, а она сегодня вечеринку устраивает. Меня звала, да я бы и так не пошла, надоело. Трястись там всю ночь под какую-нибудь дрянь, смесь рэпа и попсы. Под конец все напьются, накурятся, будут блевать, устроят стриптиз, поругаются десять раз... MTV с голыми задницами размалеванных девиц и тошнотворных мужиков, обсуждение "Фабрики звезд" и обязательно тупой фильм "Сердцеедки" или "Американский пирог".

Каждый раз одно и то же. Только зря косметику изводить и выпивку тащить надо. Вот и выбирай, что лучше: очередная пьяная вечеринка одноклассников, которых так и распирает от гормонов, или же провести вечер за докладом по истории в компании с неким странным парнем по имени Севка Пряников, хотя все зовут его просто Пряником для краткости. Может, он обижается, только им плевать.

Я незаметно обернулась, вот он сидит, и тоже смотрит в окно. Странно, ведь я почти ничего о нем не знаю, да и кто вообще знает. Когда он перешел в нашу школу? И в каком классе он учился в прошлом году до распределения по профильным? Спрашивают его редко, к доске почти не вызывают. Как он учится – непонятно, средне, должно быть. Я даже не припомню, чтобы Пряников стихи на литературе отвечал. А классная стихи строго по списку спрашивает, будто прививки ставит.

– Всеволод, будь добр, повернись к классу и скажи, что такого интересного ты увидел на улице, – сказала классная.

Все дружно ржут. Это она нарочно издевается.

Севка сразу устался в мою сторону, он на таком месте сидит, что ему оттуда только на меня и смотреть. Я быстро уткнулась в тетрадь, ненавижу встречаться с кем-то глазами. Взгляд у него какой-то отсутствующий, как будто он, что называется, не от мира сего, со странностями. Неохота с ним связываться.

Сегодня утром, когда я раздевалась в холле, ко мне, как обычно, подскочила Крестинова. Каждое утро я на нее натываюсь в первую очередь, хотя вот уж кого-кого, а Крестинову мне меньше всего хочется видеть.

– Приве-е-ет! – она расплылась в своей приторно-сладкой улыбочке. – Ты знаешь, что Пряник... ну, то есть Пряников Севка в тебя влюбился! Хи-хи-хи...

С трудом подавив огромное желание запустить чем-нибудь в ее ухмыляющуюся физиономию, иду к зеркалу причесываться. Останавливает меня только то, что Крестинова тупая, как пробка, и сама не понимает, что за бред она несет.

– Да-а-а, в тебя влюбился... хи-хи-хи...

Вот пристала, вечно бегает за всеми по пятам, будто домашняя собачонка.

– С чего ты это взяла? – буркнула я в ответ, стараясь не обращать внимания на Катькин глупый смех.

– Ты рада, да? Вот ведь как тебе повезло! Он на тебя все время смотрит...

– Вот еще, очень надо.

– Да ты что, Мари-и-ина! Ты ему так нравишься, Севе... Да-а-а! Он наверно страдает. Это настоящая любовь... Хи-хи-хи...

Как же она меня раздражает, особенно это ее противное хихиканье. Двух слов толком связать не может. И когда говорит, то обязательно встанет нос к носу и чуть ли не в рот тебе заглядывает.

– Ах, Нату-у-усик! Приве-е-ет! Что я тебе расскажу!..

А вот еще одна явилась. Расцеловались, будто тыщу лет не виделись, кудахчут, как две курицы. Теперь такие слухи расползутся по всей школе... Класс гуманитарный, почти одни девчонки, жуткие сплетницы, а Катя с Наташей среди них первые.

За обедом все дружно тарачились на меня и Пряникова, шептались и хихикали. Крестинова серьезно спросила, буду ли я встречаться с Пряником или пошлю его куда подальше. Верка отпустила пару непристойных шуточек в мой адрес. Девчонки громко ржали. Я тоже посмеялась для виду и сразу заявила им, что мне плевать на Пряникова. Севка сидел за соседним столом, может, он слышал, хотя в столовой, как и везде в этой школе, дикий ор стоит, собственного голоса не слышно. На той перемене я не стала к нему подходить насчет истории, он тоже не подошел. Останемся после уроков и обсудим эту дурацкую реформу.

А может, вообще не подходить к нему? На кой он мне сдался, этот Пряников? Без него обойдусь. Почему обязательно нужно делать в паре? Это же не псих-тренинг какой-нибудь. И до понедельника еще два дня выходных.

Прозвенел звонок. Классная задала выучить письмо Татьяны, парням – письмо Онегина. Я быстро побросала вещи в сумку, подняла глаза и даже подскочила от неожиданности. Он стоит прямо передо мной, так спокойно, как будто весь урок тут простоял. И смотрит, словно чего-то ждет. Мне вдруг пришло в голову, что я ни разу с ним не разговаривала. И судя по всему, придется начинать первой.

– Чего тебе?.. А, да, доклад по истории, совсем забыла...

Классная не разрешила нам остаться, сказала, у нее какое-то совещание. Сегодня она опять злая, девчонки ее довели. В библиотеке толпилась малышня, вечно они тут торчат, достают библиотекаршу, которая от всех детей готова уже на стенку лезть.

Заглянула в учебник и три раза прочитала заголовок: *"Россия в 60-80 годы XIX века. Эпоха великих реформ. Правление Александра II"*. Ничего не соображаю от шума. Тогда я повернулась к Пряникову и неожиданно для себя сказала:

– Слушай, в четыре часа библиотеку все равно закроют. У тебя дома кто-нибудь есть?

– Не знаю, – он пожал плечами.

– Ладно, пойдем ко мне.

На самом деле я и не собиралась тащиться к нему домой. Терпеть не могу чужие квартиры, чувствуешь там себя неловко и неудобно, никогда не знаешь, где там у них ванная комната и туалет. Вечно тебе тапочки ищут. Еще кормить начнут, расспрашивать... не выношу этой канители. Уж лучше идти ко мне, все равно дома ни души.

Пряников не возражал, и мы пошли. Робко предложил понести сумку, я сказала, что сама справлюсь, больше не приставал.

Севка шел рядом, чуть поотстав. Я упорно молчала, он тоже. Было ужасно холодно. До моего дома идти напрямик через дворы, а там повсюду сплошные горки да еще стройка эта, все перекопано, ни пройти, ни проехать. И я как всегда умудрилась поскользнуться, только подумала, что опять грохнусь где-нибудь, Севка схватил меня за руку, хотя, может быть, я просто чуть на него не упала. Сам виноват, не мог отойти куда-нибудь подальше, а то плетется сзади, на пятки наступает.

В лифте ехали, казалось, целую вечность. Молчать дальше было бессмысленно. Открыв дверь, я сразу почувствовала себя главной, хозяйкой положения. Севка наоборот скромно замер на коврике в прихожей, ожидая приглашения.

– Раздевайся, чего стоишь? И посиди пока в гостиной, я сейчас.

Специально сделала вид, будто мне не до него, засуетилась, изображая занятость, будто у меня куча дел, и быстро юркнула в свою комнату, прикрыв дверь. Переодеваться после школы я нарочно не спешила, возилась, наверно, полчаса. Почему-то долго стояла у шкафа и думала, что лучше надеть. Ненормальная.

Мама всегда ругается, когда я прячусь от гостей в своей комнате, говорит, это невежливо, и я никого не уважаю. Не хочу я уважать Пряникова. Кто знает, что у него на уме. Станный он какой-то.

Я осторожно заглянула в гостиную. Севка сидел на полу перед телевизором и рассматривал видеокассеты, так внимательно, неторопливо, даже с интересом, как будто выбирал, какой фильм лучше посмотреть. Мне вдруг пришло в голову, за это время он мог изучить нашу гостиную вдоль и поперек. Казалось, Севка напрочь забыл обо всем на свете, в том числе о моем существовании. Я стояла тихо наверно минут пять, не знаю почему. А потом сделала вид, будто только что вошла, нарочно хлопнув дверью. Севка резко вскочил и уставился на меня не то испуганно, не то удивленно, а может, радостно, не поймешь.

Я села в кресло, достала учебник, тетрадь, ручку. Севка примостился на краешке дивана с портфелем.

– Давай сначала прочитаем все про эту земскую реформу, составим план и распределим, кто что будет рассказывать, – предложила я, ища нужный параграф в учебнике.

Опустилась напряженная тишина. С улицы доносился шум машин, где-то далеко лаяла собака, на кухне монотонно гудел холодильник, у соседей играли на пианино, и все равно было так тихо, что эта тишина звенела в ушах.

Не могу сосредоточиться, буквы плывут перед глазами, в голову лезут бессвязные мысли, всякая дребедень...

Вся комната залита теплыми солнечными лучами. Стены стали оранжевыми от заката. Солнце слепит глаза. По моей руке скачет солнечный зайчик. Я откинула волосы со лба и заметила Севкин пристальный взгляд. Он тут же снова уткнулся в учебник. Я встала и ушла на кухню. Решила поставить чайник. Пока он закипал, долго смотрела в окно.

Почему девчонки решили, что он в меня влюблен? Ведь неспроста же. На пустом месте слухи не рождаются. Причем именно сегодня, когда этот доклад... Такое впечатление, словно все это какая-нибудь дурацкая шутка. Ну конечно, они специально подговорили историка задать доклад мне и Пряникову. Кажется, у меня начинается паранойя. И все-таки, почему он? Могли ведь приплести сюда кого угодно, но в результате оказался Пряников, которого, что называется, впритык не видят. Он для них пустое место. И вдруг... Похоже на полный бред.

Кошмарный день. Идиотские сплетни, хихиканье за спиной, таращатся все на тебя, как на чудо, и этот Пряников откуда-то взялся, и доклад по истории. "*Любит ли Онегин Татьяну?..*" Зачем я достала тетрадь по литературе, когда мне нужна земская реформа? И опять этот дурацкий вопрос. Уверена, на следующем уроке лит-ры классная спросит именно меня.

Чайник давно вскипел, а я все стояла, уставясь в окно, и думала, что вообще за человек этот Пряников и зачем он свалился на мою голову. А ведь он меня ждет, наверно, всю земскую реформу наизусть вызубрил.

– Ну, ладно, давай, я начну, а ты продолжишь и что-нибудь еще добавишь, – сказала я, входя в гостиную, – главное, выучи...

Севка спал, уткнувшись носом в подушку, одну руку положив под щеку, а другой обняв раскрытый учебник по истории, который постепенно сползал на край дивана, собираясь упасть на пол.

Не возникало никаких сомнений, Севка крепко и безмятежно спит, как сурок, будто он ужасно устал и не спал целую вечность. Сперва я так удивилась и просто стояла посреди комнаты, не зная, что дальше делать. Учебник упал на ковер с глухим стуком. Севка что-то пробормотал во сне, перевернулся на спину, сунув одну руку под подушку и откинув голову на бок. Растрепанные волосы топорщились хохолком на лбу, в них запутались солнечные лучи, отчего они казались золотистыми, хотя на самом деле светло-русые.

Я подняла учебник и осторожно положила его на стол, а потом присела на краешек кресла рядом с диваном. Меня тоже всегда клонит в сон от истории, и от большинства остальных школьных предметов. Терпеть не могу будить спящих людей, не понимаю, как некоторые делают это прямо-таки с каким-то невероятным наслаждением, мои родители, например. Мне наоборот всегда хочется укрыть его одеялом, чтобы он спокойно спал, пока сам не проснется. Иногда мне нравится смотреть на кого-нибудь спящего. Люди кажутся совсем другими, когда спят, они спокойны и более открыты, можно заглянуть к ним в душу, заметить в них что-то такое, чего не замечал раньше. Должно быть, я единственная разглядела внимательно Севкино лицо, после его матери. Он даже показался мне симпатичным. Почему его не замечают? Мне вдруг захотелось пригладить растрепанные волосы и этот хохолок на лбу.

Где-то у соседей забренчало пианино.

Однажды Севка заснул на уроке, теперь я вспомнила, была физика, мы с Нелей тогда сидели на последней парте, а он у окна. Физичка как раз объясняла новую тему, Неля толкает меня и тихонько указывает на Пряникова. А он спит, опустив голову на руки. Физичка долго косила в его сторону, наконец, не выдержала и как хлопнет линейкой по столу. От неожиданности Севка подскочил и чуть со стула не свалился.

Я достала альбом со школьными фотографиями. Мама хранит его в гостиной специально, чтобы показывать гостям и хвастаться, в какой жутко престижной гимназии я учусь. Терпеть не могу все эти фотографии, но сейчас мне вдруг захотелось на них взглянуть.

Начальная школа. Где только мама умудрилась раскопать такие старые?.. Я никого не узнавала, здесь все какие-то чужие, незнакомые. С тех пор наш класс много раз менялся, кто-то уходил, появлялись новенькие. От первого состава осталось всего несколько человек.

Пятый класс. Я нашла себя. Меня посадили в первом ряду с учительницей, как какую-нибудь отличницу. Завитые локоны, белая блузка, белые гольфы, вся такая сияющая, похожа на куклу в витрине магазина. Мама всегда пыталась вырядить меня лучше других девочек в классе, чтобы мной восхищались и завидовали. Я до сих пор помню, как ночами не спала из-за бигуди, на которые мама с упорством накручивала мои волосы, хотя они от природы кудрявые.

Севку я не узнала сразу, но была твердо уверена, словно почувствовала, что этот маленький худой мальчишка с растрепанными волосами, который стоит прямо за мной, именно он. Я даже знаю, почему его поставили за моей спиной, потому что я была без этих огромных бантов, как другие девчонки, а Севка самый маленький в классе, иначе его просто было бы не видно.

К тому же он единственный из мальчишек оказался без форменного пиджака ядовитого ярко-голубого цвета. На нем была рубашка с короткими рукавами. И я сразу заметила, что руки он положил на спинку моего стула. Но самое странное, почему Севку невозможно было узнать, он весело улыбался. Все выглядели такими серьезными, скучными и хмурыми, а Севка, казалось, бесконечно счастлив со своей сияющей улыбкой. Я ни разу не видела, чтобы он хоть когда-нибудь улыбался.

На фотографии за следующий год нет половины класса и Севки тоже. Мы фотографировались поздно, в самый последний день учебного года на школьном крыльце. Большинство девочек умотало готовиться к дискотеке. Я нашла себя в первом ряду. Кошмар, выгляжу, как кукла Барби, с голыми ногами из шеи, на каблуках (которые я ненавижу!).

Седьмой класс. Я как всегда в первом ряду. Севка тоже, его посадили на стул с самого краю из-за маленького роста. Он кажется лишним и каким-то чужим, потерянным, должно быть потому, что смотрит не прямо, как все, а куда-то немного в сторону. Приглядевшись, я снова заметила этот странный взгляд. Что такое особенное он мог увидеть на стене? Я точно помню наш прежний 26-й кабинет, в то время там преподавали английский язык, и на стенах висели карты Великобритании и фотографии Лондона, глагол to be, портреты английских писателей и поэтов. Но там, куда он уставился, всегда висело зеркало. Должно быть, почти весь наш класс в нем отражается, половина класса так уж точно. Севка смотрит в зеркало, но зачем? Себя он как раз видеть не может. Неужели он смотрит... Все это похоже на детективный сериал. Можно подумать, я разгадываю какую-то страшную тайну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.